

Навстречу XV Гумилёвскому фестивалю на бежецкой земле

На выход первого номера историко- краеведческой газеты «Бежецкий край»

Ровно месяц назад я послал в Бежецк приветственное слово участникам Кирсановских чтений. И вот сейчас опять пишу письмо в Бежецк по краеведению. Замечательное событие состоялось – вышел первый номер новой газеты,

краеведческой бежецкой газеты.

Поздравляю главного редактора Владимира Козырева, которого много лет уже знаю как ревностного краеведа, редактора альманаха, издателя. Вот у меня на столе лежит изданная им книга о нашем земляке генерале Арсеньеве. Она вся пронизана страстным желанием Козырева восстановить попорченную справедливость по отношению к этому боевому Герою. Его же стараниями на могиле Героя Советского Союза генерал-майора Николая Ивановича Арсеньева поставлен достойный памятник.

Одним словом, в надёжных и профессиональных руках эта новая газета.

Уже первый номер показал, что главный редактор взял курс на интересную газету для широкого круга читателей. На острую порой публицистику.

Бежецкая история богата событиями и яркими людьми. Так что есть откуда черпать материалы. Все бежецкие краеведы-профессионалы и краеведы-любители, мне кажется, должны объединить свои таланты и труды вокруг этого нового издания.

Долгой жизни газете, новых открытий, утверждения правды и красоты!

12.08.2021 г.
Геннадий Иванов,
первый секретарь правления Союза писателей России

«Бежецкий край»

С большой радостью мы встречаем любое начинание по изучению и пропаганде Тверской земли. И будем рады, если это новое начинание состоится и получит долгую жизнь.

Бежецкий Верх – это место истока легендарной реки Мологи и начала большой истории, новые страницы которой пишутся и в наши дни. Земля здесь, конечно, скудная: только лён да картошку сажать. И земля эта богатая: рождаются и живут здесь талантливые, красивые люди. Бежецкий край дорог нам многие именами от Петра Плетнёва до Вениамина Флейшмана. Бежецкий край памятен нам замечательными народными хорами и хранителями народных традиций.

Хочу пожелать новому изданию, которое посвящено Бежецкому краю, долгой жизни. И очень хочу, чтобы, открывая новые страницы прошлого, мы не забывали прежде открытых станиц. Ведь было время, когда в Бежецке не было музеев Шишкова и Андреева, и стали эти музеи открытием для 1970-х и 1980-х годов. Потом появился музей в Градницах, общественное внимание перетянулось в сторону Гумилёвых и Ахматовой, а музеи Шишкова и Андреева, закрытые на ремонт, уже который год забыты и заброшены. А как влияет на деревянное здание отсутствие отопления и нормальной жизни в зимний период, известно всем. И я очень надеюсь, что новое издание будет обращать внимание на нерешённые проблемы культурной жизни Бежецкого края и бороться за решение этих проблем.

Понятно, что эти проблемы возникают везде, не только в Бежецке. Но очень хорошо, что в Бежецке есть кому болеть душой по поводу этих проблем и тревожить административные инстанции и общественное сознание. И очень надеюсь, что газете хватит запалу на годы.

Председатель Тверского областного общества
краеведов, профессор М.В. Строганов

Памяти Елены Юрьевны Раскиной

Раскина Елена Юрьевна

Доктор филологических наук, заведующая кафедрой общегуманитарных и социальных дисциплин факультета туризма и гостеприимства МИЛ. Закончила Киевский национальный университет им. Т.Г. Шевченко (филологический факультет, отделение русской филологии). Прошла курс обучения в Институте Франции в Украине при посольстве Французской республики в Киеве. Получила Международный диплом углублённого знания французского языка от Министерства образования Французской республики (Diplome approfondi de langue française DALF (Republique Française Ministère de l'éducation nationale)).

Тема кандидатской диссертации: «Мифопоэтическое пространство поэзии Н.С. Гумилёва», специальность 10.01.01 – Русская литература

Защитила кандидатскую диссертацию в 2000 г. в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург).

Автор монографий «Поэтическая география Н.С. Гумилёва» (М.: Изд-во Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой, 2006) и «Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилёва» (М.: Изд-во Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой, 2009).

Автор трёх исторических романов: «Час Елизаветы» (М.: Гелеос, 2006), «Под знаком Софии» (М.: Гелеос, 2008, в соавторстве с Вл. Никольским), «Валькирия революции» (в соавторстве с М.Кожемьякиным). Последний роман готовится к выходу в издательстве «Вече» (Москва).

С 2005 по 2010 гг. работала в Московском гуманитарном институте им. Е.Р. Дашковой, занимала должность заведующей кафедрой экономики и управления

на предприятиях туризма и гостиничного хозяйства на факультете экономики и права, преподавала на гуманитарном факультете института (отделение журналистики и рекламного дела).

В 2009 г. Защитила докторскую диссертацию на тему: «Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилёва» (специальность 10.01.01) – Русская литература.

Награды:

1) Диплом Союза негосударственных вузов Российской Федерации за научное руководство победителя конкурса студенческих научных работ 2009 г.;

2) Почётная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 октября 2008 г. за значительные успехи в деле подготовки высококвалифицированных специалистов, большой вклад в организацию учебного и воспитательного процессов, достижения в научно-педагогической и научно-исследовательской работе и многолетний плодотворный труд.

Научные и творческие интересы:

Русская культура и литература начала XX века, французская культура и литература XX века, культурология, межкультурная коммуникация, литературный перевод, экскурсионная деятельность в туризме. Большой опыт работы в журналистике и рекламе, сотрудничала с целым рядом российских и украинских периодических изданий («Москва: сегодня, завтра», «Туризм», «Зеркало недели» (Киев), «Мистер Блистер» (Киев) и др.

В последние годы она активно участвовала в популяризации жизни и творчества Н. Гумилева, изучала архивные материалы семьи Н.Гумилёва и его кружения, участвовала во многих конференциях, в ежегодном Гумилёвском фестивале на Бежецкой земле.

Посвящается гумилёвской усадьбе в Градницах

*В доме скрипнут половицы,
Замурлычет домовой.
Сядет ангел - или птица,
На балкон высокий твой.*

*Скажет ангел: «Дети, дети!
Отпускаю вам грехи...
Вплетены в узор столетий
Ваши вечные стихи.*

*Вы не ссорьтесь, ради Бога!
У меня вы под крылом.
И одна у вас дорога,
Из земного - в Отчий дом.*

*Николаю, Льву и Анне
Помогал я на пути.
Песней древней, песней давней
Им пред Господом цвести.*

*Вас в дороге я приветил,
Чтобы пелось вам легко.
Вас поил я, дети, дети,
Райским звездным молоком...».*

*Там, у Божьего Престола,
Слышен шелест вещей крыл.
Белый ангел на балконе
Этот дом благословил.*

Н.С. Гумилёву. Утро 26 августа 1921 года

*За душой приходят на рассвете,
Трудно ожиданье превозмочь.
Перед смертью все мы, словно дети, -
Уходить мы так боимся в ночь.*

*Только там не ночь, а сад чудесный.
Есть там сад, открытый для меня.
Пусть в таком саду я стану песней
И прольюсь, ликуя и звеня.*

*Ночь пуста, беззвучна и туманна,
Дай мне, Боже, к берегу пристать!
На земле пленяло имя «Анна»:
Анна означает – Благодать.*

*И, вдыхая аромат нарциссов,
Вспомню я земли веселой сны:
Девушку по имени Лариса,
Пэри из лазоревой страны.*

*А иных я и назвать не смею,
Но душа моя опалена:
Ольга-Эльга в темноте аллеи,
Там, где ветер, море и луна.*

*Там с холма заметен парус белый:
Значит, и за мной пришла ладья.
Разлучить сумели душу с телом,
Но у Бога не отнять меня.*

«А где-то струятся родимые реки...»

(Николай Степанович Гумилёв)

Тверские областные власти, как и обещали, учредили общероссийскую литературную премию имени Николая Гумилёва. Казалось бы, надо очень радоваться по этому поводу (ведь мы первые такие в России!), но почему-то не получается.

А не получается потому, что это решение не обеспечено никакой системной работой. Без указания сверху (а его пока не поступало) никто из наших культуртрегеров не будет инициировать издание сборника стихов великого поэта, созданных на тверской земле, где жили рядом с ним его мать Анна Ивановна, жена Анна Андреевна Ахматова и маленький сын Лев, будущий гениальный этнолог, историк и географ.

В Петербурге работал бежечанин Сергей Сенин, известный исследователь творчества Ахматовой и Гумилёва. Ему удалось атрибутировать по очень интересной авторской методике практически все стихи, созданные Гумилёвым на Бежецкой земле или явившиеся творческим эхом посещений дорогих ему мест. Николай Степанович редко называл города и селения, где создавал свои стихи, поэтому исследовательский поиск был непрост, зато результат впечатляет. По сути дела мы теперь увидели Николая Гумилёва не только как рыцаря «музы дальних странствий» и воина, но и как гражданина, для которого святая русская история, коренные элементы её культуры, её древние города, характер русского человека.

Любой мало-мальски образованный человек знает вершинные лирические произведения Гумилёва: «Капитаны», «Озеро Чад», «У камина», «Заблудившийся трамвай», «Мои читатели»... Рядом с ними стоят и стихи, написанные на бежецкой земле:

*В садах настурции и розаны,
В прудах зацветших карасы.*

*Усадьбы старые разбросаны
По всей таинственной Руси.*

Эти усадьбы — Слепнёво и Подобино, Борисково и Синёво-Дуброво, где поэт жил и бывал, приезжая к матери под Бежецк. Широко известны строки из письма Гумилёва, посланного из Слепнёва жене, Анне Ахматовой, в столицу: «Каждый вечер я хожу один по Акинхской дороге испытывать то, что ты называешь Божьей тоской». Да, Николаю Степановичу было здесь ещё тоскливо, недоставало ярких впечатлений, но он, несомненно, начинал прозревать и в самом себе, и в малой родине то, что Ахматова уже пережила и укоренила в сердце здесь же, под Бежецком, как свою главную суть: сопричастность глубинной, настоящей России, растворённость в ней.

Мне кажется, нечто подобное происходило и с Пушкиным в Михайловском и Малинниках. Не только сюжетика, но даже

и ритмика стихов Гумилёва, изъездившего Европу и исходившего Африку, обретающая новые черты. Вот строки о Бежецке:

*Над широкою рекой,
Пояском-мостом перетянутой,
Городок стоит небольшой,
Летописцем не раз помянутый.*

Прошлым летом, в который уже раз, я побывал в Николо-Теребенской пустыни — прекрасном древнем монастыре на берегу Мологи, ныне возрождающемся в муках, и вспоминал строки Гумилёва о ежегодном крестном ходе из этого монастыря к Бежецку:

*Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, то значит по течению
В село икона приплыла.*

Александр Блок, которого связывали с Гумилёвым непростые творческие отношения, после прочтения книги «Костёр» с этими стихами окончательно признал его огромный талант, отразив это в дарственной надписи поэту на одном из своих сборников.

За сто прошедших лет всего четыре человека всерьёз обратились к теме «Гумилёв и Бежецк»: Дмитрий Куприянов, Сергей Сенин, Лариса Сорина и Геннадий Иванов. Маловато для очень хорошего тверского литературного краеведения. Филологический факультет университета вполне способен вести гумилёвскую исследовательскую и просветительскую программу — не только от юбилея к юбилею, а системно.

Поэт прожил только «половину жизни земной». В возрасте 35 лет в 1921 году его расстреляли чекисты по ложному обвинению в участии в политическом заговоре.

15 апреля исполнилось 135 лет со дня рождения большого русского поэта Николая Гумилёва. Да простят меня любители поэзии за дерзость, но рискну опубликовать здесь свои очень давние стихи, посвящённые ему. Я читал их тогда со сцены в университете, получил головомойку за прославление «врага народа», и их никогда не печатали.

*Россия, ты у всех одна.
Тебе молились, как мессии.
Но в сердце, высохшем до дна,
Поэт носил свою Россию —
Не ту, что, дань отдав векам,
Сквозь строй тащилась утром дымным
И, отшумев по кабакам,
Октябрьской ночью шла на Зимний.
В его стране играли в вист,
В красавиц призрачных влюблялись,
На скачках брали первый приз,
Мечтали, пили и стрелялись.
Ты не был трусом никогда.
Что, оскорблене?! Жребий брошен.
Дуэль в запрете? Не беда!
Вперёд, к барьеру, мсье Волошин!..*

*И, всё узнав и испытав,
Как флибустьер во время оно,
Ты уезжал, в друзья избрав
Бродягу Франсуа Вийона.
Россия, где твои сыны?
Их гонят в рай царя холопы
И на лукуллов пир войны
Скликают вороньё Европы.
Всех сыновей не убережёт.
Они лежат на поле бранном,
И гулко, как горох, картечь
С небес валится вместо манны.
Ты жив, но смерть недалеко,
И жизнь не потечёт, как Волга.
Предел положит ей рука,
Что пулю отливала долго.
Ты вспоминать любил среди гроз
О времени, уже далёком,
И ночью у костров не мёрз
С угрюмым Александром Блоком.
Ты лебедей кормил в пруду
И жадал звуков барабана,
Когда весной в кронштадтском льду
Кровавая зияла рана.
О, как прекрасен Петроград,
И небо звёздное бездонно!
Не вспомнят о тебе Багдад
И абиссинские мадонны.
Лишь чайки дико закричат,
Да далеко, за морем Красным,
У озера с названьем Чад
Жираф останется несчастным.
Таков уж, видно, твой удел.
И ты, Поэт, не потому ли
Сумел уйти от диких стрел,
Чтоб умереть от русской пули?..
А через сорок скорбных лет
Прошепчет твоё имя горько
Жена, вдова твоя, Поэт,
На жёсткой, на больничной койке.
И отлетит во тьму, в века
Душа прозрачнее кристалла,
И Русь заплачет, услышав
Слова: «Ахматовой не стало».*

В.М. Воробьёв,
доктор культурологии, профессор

СЛЕПНЁВО. Акровенок сонетов

(Анна Андреевна Ахматова)

I
Кому шептать безумные слова
Среди полей вселенского простора?!
Ведь на губах, как будто полова,
Лишь горечь от безвременья пустого.
И мнится: по истерзанной земле
Бредут в потёмках одиноко души,
Отвергнутые чьим-то равнодушьем,
Ступая по цветам, как по золе.
Чего же ждать, надеяться на что,
Каким кумирам ныне поклоняться,
Как жить с неутолённой мечтой,
Кого лелеять и кого бояться?
И замерзать какого мига ради
Апрельской ночью на сырой веранде?

II
Апрельской ночью на сырой веранде
В оцепененье сельской тишины
В глазах плывут полками на параде
Видения, похожие на сны:
Пейзаж унылый за окном вагона,
Старик-вещун с котомкой на горбу,
Смертельный блеск драгунского погона
В заплывшем кровью галицийском рву.
И снова — сад, и ломкий куст сирени,
И дуб, застывший, как Морской собор,
Огромные таинственные сени
И с запертой калиткою забор.
Ужель, права ты или не права,
Ничьих шагов не затаит трава?

III
Ничьих шагов не затаит трава,
Хоть век сиди в невидимой осаде.
Мерцают сёла, словно острова,
Туман крадётся от болот к усадьбе.
Рассвет, как звон колоколов, а ты,
Соседских баб даря покорным взором,
Платок набросив с кружевным узором,
Уйдёшь в поля по первые цветы.
Так скромно незатейливый букет,
Что только милый может догадаться,
Как близок сердцу их неяркий свет,
Когда письма от друга не дождаться.
И тщётно ждать. Ты с ним давно в разладе.
Никто не ждёт в холодном Петрограде.

IV
Никто не ждёт в холодном Петрограде...
И остаётся только вспоминать:
Извозчик, притулившийся к ограде,
Михайловская площадь, номер 5.
Полуподвал. Прокуренная зала,
Где воздух весь поэзией пропах,
Где Лиза Караваева читала
Друзьям стихи о скифских черепках.
Где твой избранник благосклонен к юным,
Колдует Хлебников, царит Кузмин,
Где сладко думать: кто-то тронет струны —
И скажет сердце: "Навсегда возьми!"
Где знаешь, на крыльце простаясь со всеми:
Ещё весна падёт, как в землю семя.

V
Ещё весна падёт, как в землю семя,
Но глуше голос с каждою весной.
— Не будет путь наш розами усеян,
Моя любовь, весёлый мальчик мой.
Просты твои одежды и игрушки,
И весь твой мир — лужайка у крыльца.
А где-то немец целится из пушки,
Чтобы не стало у тебя отца.
Когда Россия корчилась в крови,
Архангелы воззвали о спасенье,
Но в светлый день Святого Воскресенья
Героям не подняться из земли.
И остаётся верить и молчать...
Ах, сколько вёсен ей одной встречать!

VI
Ах, сколько вёсен ей одной встречать,
Не гнуть спины под взглядами косыми
И свет надежды еле различать,
Когда годами нет вестей о сыне.
В укромных уголках смешного детства
Легко найти желанное тепло.
Они всегда с тобой по соседству —
Одесса, Киев, Царское Село.
А век шагает поступью суровой,
И подступает, нища и честна,
Военная ташкентская весна —
Пролог к осенним вёснам в Комарово.
И горький след от дней, прожитых немо,
На гордое чело наложит время.

VII
На гордое чело наложит время
Печаль незаживающих обид.
Ведь всех больше ты ранима теми,
Кого ты притянула, как магнит.
Фатальные эти встречи и размолвки,
Как будто был их горестный итог
Заране кем-то так расчислен ловко,
Чтобы никто на свете не помог.
О тяжкий жребий провозгать любимых
Туда, где катит воды Флегетон,
И, позабыть не в силах, их, незримых,
Под Новый год всё звать в Фонтанный дом.
Ты ощутишь, пытаюсь закричать,
Десницу, как тяжёлую печать.

VIII
Десницу, как тяжёлую печать,
Не снимет век, настойчиво пытаюсь
Пожатием холодным повенчать
Свои тревоги и твою усталость.
Каким ты был, мой век, простым и звонким,
Когда в дорогу за собой позвал
И магиею слов околдовал
Весёлую приморскую девчонку!
Вставали безмятежные рассветы,
И драма превращалась в водевиль.
Казалось посвящение в поэты
Лишь приглашеньем в общую кадриль.
Как сон июльской ночью, началась
Работа, незаметная для глаз.

IX
Работа, незаметная для глаз,
Забава, отдых, милая отрада,
Луч озорной, что так пленяет нас
В густой прохладе утреннего сада.
Но стали ныне Божьим наказаньем
Часы, когда, желанья иссушив,
Бессвязный бред измученной души
Ты облакаешь в скорбные признанья.
Беспечная звенит в долине речка,
И, вслушиваясь в этот благовест,
Ты понимаешь, что нельзя отречься
От этой службы и от этих мест.
И, счастлива ты или одинока, —
Ей нет предела, нет замен и срока.

X
Ей нет предела, нет замен и срока.
Не жди богатства от работы той.
Поэта возвышая до пророка,
Она одарит щедро нищетою.
В краю полей, в тверском уединенье,
Настигнет, как разбойница, врасплох
И каждый из груди идущий вздох
Заставит превратить в стихотворенье.
Ей дела нет до сплетен и болезней
И до ведущих в никуда дорог,
Когда неотвратимо и любезно
Она приводит Музу на порог.
И смуглая рука крадёт у нас
Едва ль не каждый предрассветный час.

XI
Едва ль не каждый предрассветный час —
Твой молчаливый друг и соучастник.
Он копит ощущение про запас
И избавляет от надежд напрасных.
Он знает всё. Он скуп на обещанья.
Его весельем трудно обмануть.
Но он поверит, если вдруг шепнуть
Ему слова последнего прощанья.
Надменные слова, что бросил тот,
Кто даровал постылую свободу.
Он в этот час в пустынный дом войдёт
И рад не будет близкому восходу.
Ведь это он, желанный и далёкий,
Виновен в том, что вновь возникли строки.

XII
Виновен в том, что вновь возникли строки,
И Летний сад, и зайчик на стене,
Похожие на почести упрёки
И белый лист бумаги на столе.
Виновно время, щедрое на пытки,
Но всё ж тобой воспетое в стихах.
Оно всего доставило в избытке,
Лишь счастьем обделило впопыхах.
Ведёт вперёд тебя печальный гений.
Темна дорога и пуста сума.
В рождении бессмертных откровений
Виновно всё. Виновна ты сама.
По капле в Вечность падают мгновенья...
Не греет милость, не страшит забвенья.

XIII
Не греет милость, не страшит забвенья...
О том ли думать?! Надо просто жить.
Соединять разомкнутые звенья
И обрывать запутанную нить.
Учиться обновленью у деревьев,
Расцветших на оттаявшей земле,
И в шуме сосен, как в молитвах древних,
Искать созвучья собственной судьбе.
Всё потерять, но знать, что есть Россия,
Что мирный вечер тает над Невой.
Кружатся мысли, тихие, простые,
Сливаясь со вселенской синевой.
Как вечное от горя исцеленье
Ей дал Господь в награду вдохновенье.

XIV
Ей дал Господь в награду вдохновенье —
Поэта непокой и неуют,
Чтоб дети не наставших поколений
К ней приходили, как на высший суд.
Им не найти готового решения
В языческом переплетенье слов,
Но сопереживание — воскрешенье
И обретенье новых берегов.
Жизнь не вместила в строгий синий томик.
Как встарь, не смята до утра постель.
Неповторимый голос чист и звонок,
Как только что родившийся апрель.
Не кончена последняя глава...
Кому шептать безумные слова?!..

XV
Кому шептать безумные слова
Апрельской ночью на сырой веранде?
Ничьих шагов не затаит трава,
Никто не ждёт в холодном Петрограде.
Ещё весна падёт, как в землю семя...
Ах, сколько вёсен ей одной встречать!
На гордое чело наложит время
Десницу, как тяжёлую печать.
Работа, незаметная для глаз, —
Ей нет предела, нет замен и срока.
Едва ль не каждый предрассветный час
Виновен в том, что вновь возникли строки.
Не греет милость, не страшит забвенья...
Ей дал Господь в награду вдохновенье.

*В.М. Воробьёв,
доктор культурологии, профессор*

«Мечтатель, романтик, патриот...»

«Мечтатель, романтик, патриот, суровый учитель, поэт... Хмурая тень его, негодуя, отлетела от обезображенной, окровавленной, страстно любимой им Родины...»

Свет твоей душе. Слава – твоему имени...» – так закончил Алексей Толстой заметку о погибшем поэте.

«Боль, которую мы испытали, узнав о смерти поэта, усиливается от сознания, что он погиб в расцвете таланта, с запасом новых звуков и неизжитых настроений. Четвёртой душе Гумилёва судьба, быть может, предназначала воссиять огненным столбом в русской поэзии. Но этой судьбе не суждено было сбыться. Русская поэзия надолго облеклась в безутешный траур» – сетовал Николай Минский в рецензии на «Огненный столп», который стал посмертным сборником Николая Степановича.

«Как мог Гумилёв – один из самых независимых, изящных, вольных и гордых людей, каких только приходилось встречать и можно вообразить, – как мог он выносить всю нищенскую тоску, арестантскую узость, подлейшую, унижительную зависимость днём и ночью от любого вздорного случая и любого упившегося властью скота? Что перетерпела его крылатая душа в эти чёрные дни, обратившие великую страну в сплошной вонючий застенки?» – негодовал Куприн в очерке «Крылатая душа».

Гибель поэта от рук палачей стала потрясением для литературного мира, для интеллигенции и превратила его в мученика, в символическую фигуру. Многие годы в эмигрантской среде формировался

героический образ поэта-рыцаря, жизнь которого в воспоминаниях коллег и современников с годами приобретала характер эпического, а личность затухала штампами борца и жертвы.

Об этом честно, горько и жестко высказался Андрей Левинсон, безжалостно обнаживший двойные стандарты эмигрантского отношения к литераторам, оставшимся в России: пока живы и работают – предатели, когда убиты или умерли в болезнях и муках – мученики: «Мечут жребий о ризах мёртвых поэтов. На собраниях в их память несётся со всех сторон азартный крик: «Он наш!» – И каждый из торгующихся с шумом бросает на весы свои доводы. В Николае Гумилёве, чудо чьей жизни было в её абсолютной растворённости, в поэтическом подвиге, любуются всего более монархистом; именно то и дело служат аргументом в споре, трамплином для ораторских порывов».

В Советском Союзе происходило обратное. Сначала о Гумилёве писали, пользуясь формулой Маяковского, как о хорошем контрреволюционном поэте, именно поэтому особенно опасном, затем навесили ярлык белогвардейца, декадента, певца колониализма. В тридцатые годы начали отрицать реальность его африканских экспедиций. Потом просто вычеркнули из истории литературы, и до 80-х годов само его имя было под запретом, не говоря уже о творчестве.

В годы перестройки и в начале 90-х о Николае Степановиче вспомнили, он был реабилитирован и снова стал чрезвычайно популярен. Но опять, к сожалению, не сам по себе, а как мученик и жертва своей преданности «царю и Отечеству».

Увы, на сегодняшний день ситуация изменилась мало. Гумилёв остаётся одним из наименее исследованных авторов Серебряного века. Его похожая на авантюрный роман жизнь, обросшая огромным количеством легенд и домислов, экзотические темы стихов, его непохожесть на других авторов привлекают внимание читателей. Но за красивой картинкой, интересным анекдотом, чеканностью строк далеко не всегда пытаются разглядеть суть. Либо стараются пригладить, ретушировать образ Гумилёва, чтобы он стал удобен в качестве примера или символа.

Об этом ещё в 1962 году написала Анна Андреевна:

«Примерно половина этой достойной шайки честно не представляет себе, чем был Г<умилёв>; другие, говоря о Гумилёве, принимают какой-то идиотский

покровительственный тон; третьи сознательно и ловко передёргивают <...>. А все вместе это, вероятно, называется славой. И не так ли было и с Пушкиным, и с Лермонтовым».

Увы, современные биографы тоже не свободны от этих недостатков. А настоящих исследователей его творчества до обидного мало.

Летом 1918 года Гумилёв и Ахматова вместе навещали сына, жившего тогда у матери Николая Степановича в Бежецке.

По воспоминаниям Анны Андреевны, они сидели на каком-то холмике, разговаривали. И вдруг, словно бы ни к чему, Гумилёв сказал: «Знаешь, Аня, а меня люди не забудут. Я буду жить всегда».

Николай Степанович и здесь оказался пророком. Однако не забыть и понять – разные вещи. Понять же поэта можно только через его стихи. А Гумилёв пока остаётся самым непрочитанным русским поэтом XX века. Более полувека назад об этом очень хорошо сказала Ахматова:

«Гумилёв – поэт ещё не прочитанный. Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осевой травы. Невнимание критиков (и читателей) безгранично. Что они вычитывают из молодого Гумилёва, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди? Ни одна его тема не прослежена, не угадана, не названа. Чем он жил, к чему шёл? Как случилось, что из всего вышеназванного образовался большой замечательный поэт, творец «Памяти», «Шестого чувства», «Трамвая» и т<ому> п<одобных> стихотворений».

Одной из главных черт Николая Степановича, и как человека, и как поэта, была безукоризненная честность. «Я боюсь всякой мистики, боюсь устремлений к иным мирам, потому что не хочу выдавать читателю векселя, по которым расплачиваться буду не я, а какая-то неведомая сила» – писал он о своём творчестве.

Хочется надеяться, что в отношении к нему мы – его современные читатели – будем столь же честны.

Путь конкистадора в горах остер.

Цветы романтики на дне нависли.

И жемчуга на дне – морские мысли –

Трёхцветились, когда ветрел костёр.

И путешественник, войдя в шатёр,

В стихах свои писания описмил.

Уж как Европа Африку ни высмей,

Столп огненный – души её простор.

Кто из поэтов спел бы живописней

Того, кто в жизнь одну десятки жизней

Умел вместить? Любовник, Зверобой,

Солдат – всё было в рыцарской манере

...Он о Земле толкует на Венере,

Вооружась подзорною трубой.

Татьяна Альбрехт,
Москва

Поэтический Бежецк

Владимир Абдулов

Слепнёвский марш

По целине заросших травами дорог,
От суеты бездумной души отрывая,
Идём туда, где слово слышит Бог,
Уже свои стихи и песни сочиняя.

Пусть нас поэтами никто не назовёт,
Не заслужили мы пока ещё такого,
Но до тех пор, пока поэзия живёт,
Мы будем гвардией рифмованного слова.

Надует ветер ткань палаток в паруса,
Отправит в путь за новыми стихами.
И небеса услышат наши голоса
И шорох трав под нашими шагами.

Горят глаза, поют гитары в тишине,
Звучат слова, в стихи уложенные снова.
Здесь у костра, как меж боями на войне,
Собралась гвардия рифмованного слова.

Встречать рассвет, и провожать закат,
И вспомнить тех, что здесь когда-то жили,
У дуба старого признаться им в стихах
В солдатской верности поэзии России.

Пройдут года, всё поменяется вокруг,
Но жить стихам на месте старого Слепнёва.
На то же место люди новые придут
И станут гвардией рифмованного слова.

Александр Коган

Источник слова наглухо зашторен,
Не то прольёт неправедную речь.
Упрятать лучше яблоко раздора,
Народ от чуждых мыслей уберечь.

Дышать хотя бы чуточку позволив
И отражать доверив свет чужой,
Страдала, преломляя слово с болью,
Ахматова делилась с ним душой.

Жила и насыщалась хлебом горьким,
И горделиво прятала свой свет.
Вернулось слово сквозь года к потомкам,
Подёрнутое верой чёрных лет.

Превозмогая прочные преграды,
Себя не затеряв в глухих лучах,
Вздыхалась резко над широким адом
Эпохи вдохновенная свеча.

Любовь Семёнова

Слепнёво Ахматовой

Я снова в синей комнате, когда
Вечерний свет сквозь плотные завесы,
И маятник усталый счёт годам
Ведёт, не нарушая равновесья.

А в этой комнате живёт её тоска
По жизни, что уже не повторится,
Глядит в окно, как плачут облака,
Из дома, словно замкнутая птица.

И колокол на дальней церкви бьёт
Печаль и радость ровным перезвоном...
И ждёт она, что милый друг придёт,
Взорвав тоску, наперекор законам.

Галина Волохова

Из Градницкого цикла

15-17 августа 2008 года проходили вторые слепнёвско-градницкие встречи. Мне удалось побывать на третьем дне в Градницах и выступить там на концерте у Дома поэтов со своими стихами. А потом родились стихи новые.

Всё проблемы да всё неурядицы,
Суетливые дни да бездельные...
...В воскресенье я ездила в Градницы,
Несмотря на жару запредельную.
Там стихи мы читали под елями.
Дом поэтов нас слушал внимательно.
Про жару и не вспомнив, сидели мы
И внимали друг другу старательно.
И летели часы незаметные...
Мы забыли про все неурядицы.
Чувства добрые, чистые, светлые
Волновали сердца наши в Градницах.

Привезла из Градниц я букетик
Полевых цветов, едва живых:
Жёлтые –
и ярко-синий цветик
Пятнышком случайным среди них.
Надо мной родные посмеялись:
«Выброси! Давно завял букет!».
Но цветы спасённые остались
И ещё смогли увидеть свет.
Их вода волшебю воскресила –
И цветы раскрылись в добрый час.
В них такая оказалась сила –
Не хватает нам её подчас!
А букет был родом из Слепнёва –
Там давно поэзия живёт.
Воскрешает нас она и снова
Силы жить, дерзать, творить даёт!

В Слепнёве яблоки поспели.
Сюда тропа не заросла.
Поэты этот край воспели –
Нас их поэзия спасла.
Она нам дарит радость жизни
И прививает с юных лет
Любовь к единственной Отчизне,
Которой лучше в мире нет.
В Отчизне этой есть Слепнёво,
И сердцем я туда иду,
Где поэтическое слово
Созрело яблоком в саду.

Алексей Сумелиди

Николай Гумилёв

Поэт. Путешественник. Воин.
Возвышенный духом романтик.
Из чести и доблести скроен.
Изыскан в великом таланте.
Эстет. Реалист и мечтатель.
Поэзии пламенный рыцарь.
Любимец. Кумир. Воздыхатель.
Властитель! – с таким не ужиться.
Гордец, что страстями измучен.
И огненнен, и хладнокровен.
Везучий и невезучий.
Умолкнувший на полуслове.

Галина Торопова

Душа поэта

Боярышник кроваво-красный
У старой крепостной стены –
Немой свидетель ночи страшной,
Бесчеловечной и ужасной,
Когда щелчок затвора клацнул
На фоне гулкой тишины.

Взгляд в небо. Ели и берёзы,
И тучи скрыли синеву...
Вспорхнула стая пухляков голодных.
И, жалуюсь земле холодной,
Заплакал горько дождь. И слёзы
Упали с листьев на траву.

Подрубленная пулей ветка,
Пытаясь защититься, легла,
Обняв упавшего поэта.
Его душа ждала рассвета,
Но солнца луч укрыла где-то
В лесу предутренняя мгла...

Здесь, в Градницах как в светлой чаше
Живёт душа – в его стихах,
В странице каждой, в каждом томе,
Хранимая в слепнёвском доме
И в покаянной жизни нашей,
И в Гумилёвских торжествах.

Виктор Мерёжин

Те ночи

Н.С. Гумилёву

Не преклонился, не просил прощенья,
Не каялся в угоду палачам.
Откинув униженья и сомненья,
Судьбу свою оставил тем ночам.

Которые тянулись бесконечно,
Где сырость стен и вечный полумрак,
И отсвет дня, тянувшийся беспечно
Из-за решётки скрытого окна.

Прошедшие года не забывались,
И мысли ищут пройденного суть.
На той дороге многие терялись,
Как тот трамвай, что потерял свой путь.

Сошедший с колеи и по брусчатке,
Да по камням истории стучал.
И колокольчик звал всех без оглядки,
Но опоздавших уж не подбирал.

Те, кто остался на такой дороге,
Раздвоенные в чувствах и в мечтах,
Метались, потерявшие надолго
Надежду на успех в своих делах.

И оказавшись на пути трамвая,
Который шёл неведомо куда,
Всех на пути сминая и сбивая,
И каждого ждала своя беда.

Кто тихим был и в жизни незаметным,
Остались жить, памяти лишь бока.
А те, кто вспыхнул звёздочкой небесной,
Дорога к Богу шла наверняка.

Найдите десять отличий...

Скорости, с какими в Твери увековечивают память Андрея Дементьева, поистине шумахеровские. Ещё при жизни этого советского поэта (а благодаря талантливой музе Евгения Мартынова, ещё и поэта-песенника) его ближайший друг (как говорят злые языки, «придворный скульптор») Зураб Церетели готов был установить на набережной Твери величественную фигуру этого известного земляка тверских жителей. Тогда это шокировало немало тверичей – не только опасениями за областную казну, но и пренебрежением к многолетней традиции: не ставить памятников своим живым согражданам.

Церетели, однако, обижен не был: у Дома поэзии, получившего сразу же имя Андрея Дементьева (напомним, что здание было приведено в порядок из средств областного бюджета, из них же и продолжает содержаться), появился скромный «памятник поэтам-шестидесятиникам» его работы: корешки сборников на импровизированной книжной полке отсылают нас к именам знаменитой четвёрки – Рождественского, Вознесенского, Ахмадулиной и Евтушенко. Но также и Окуджавы, Высоцкого и Дементьева! Последнего, если я правильно понимаю, даже в двойной ипостаси: поэта и редактора журнала «Юность». Или в тройной, если прибавить инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, так удачно вписавшегося в карьеру поэта в отчётливые 1960-е годы.

Увы, не вечны не только шестидесятники, как действительные, так и мнимые. Почил в Бозе и Андрей Дмитриевич.

Дементьев, как считает некоторые краеведы, автор не столько тверской, сколько калининский. Родился он за три года до переименования Твери в Калинин, и Тверь в многочисленных своих опусах едва ли упоминал – совсем другое дело Волга. Имя Тверь возвращено городу в 1990 году (инициаторы этого возвращения не припомнят, чтобы в этом хоть как-то участвовал Андрей Дмитриевич – другое дело «Римское обращение» того же года), а через год, незадолго до заверше-

ния карьеры Дементьева в качестве главного редактора «Юности», прекратил своё существование и Советский Союз.

Патриотичен ли советский поэт и функционер Дементьев? Безусловно. Более того, как подсказывает нам текст «Римского обращения», яростный демократ. Не удивляйтесь: документ этот о праве наций на самоопределение, что «неосуществимо без полной и окончательной ликвидации тоталитарной системы», и подпись Андрея Дмитриевича под ним стоит в окружении куда более известных на планете имён. Умершие вне Родины первый советский диссидент и вынужденный эмигрант Владимир Буковский. Правозащитница Наталья Горбаневская, хлебнувшая принудительного лечения в психбольницах (за протест против ввода советских войск в Чехословакию). Высланный под угрозой уголовного преследования из СССР ныне здравствующий художник с мировой известностью Михаил Шемякин.

Так патриоту какой страны стоит теперь памятник на волжской набережной в Твери – аккуратно там, где улица Андрея Дементьева (срочность переименования бывшей улицы Володарского достойна отдельного разговора) вливается в набережную «благородного разбойника» Степана Разина? Мечтавшего пусть только о казацкой, но настоящей демократии? Мечтал о демократии – и жестоко казнён властью публично, а наш пострел мечтал о «полной и окончательной ликвидации тоталитарной системы» – и прилюдно и многожды обласкан. Чудеса, да и только!

В Твери есть несколько приличных памятников приличным русским поэтам. И улицы города украшают, и экскурсии для иногородних – случалось слышать – обогащают. Крылов, Салтыков-Щедрин, два памятника Пушкину... Ласкают слух имена создавших их скульпторов: Екатерина Белашова, Олег Комов. И никаких излишеств, которые выдавали бы дурновкусие или прямой авторский интерес. Памятник Дементьеву едва ли из их числа. Три белопенных каменных скрижали с «нетленками» поэта в дополнение к фигуре – это, что называется, нечто! Ещё полпамятника на сдачу? Вишенка на торте? Дементьев как реинкарнация Моисея? Или скульптор Андрей Ковальчук, простите, шутить изволили?

Судить не мне, но нам всем. И делать эту антирекламу поэту и скульптору и чести, и удовольствия немного, если бы не одно «но». На той же набережной, в паре сотен шагов от нового места паломничества (к памятнику Дементьева), в обширном новом сквере не первый год уже пылится скромный чёрный камень чуть выше колена: «На этом месте будет установлен памятник поэту Н.С. Гумилёву».

«Идея сквера возникла ещё в начале 2000-х, – рассказывает председатель ТООД (Тверское областное общественное движение. – Т.М.) "Народный парк" Сергей Шигаев. – Прошло много лет, прежде чем мы нашли место для реализации

проекта. Мы искали изюминку для сквера и решили поместить здесь памятник Гумилёву. Я считаю, что Николай Гумилёв, хоть появился на свет в Кронштадте, как поэт и гражданин родился в Тверской губернии. Мы считаем его своим земляком, своим по духу и творчеству».

<https://tvernews.ru/news/204541/>

По той же информации, в парке, помимо членов общества, работает компания «Тверьжилдорстрой». Но не спешите радоваться: средства, помимо членов общества, идут от спонсоров – фирм и просто жителей Твери. То есть город и область, как, видимо, следует понимать, не в доле и не в теме. И это единственная возможная причина медлительности в выполнении выгравированного на камне обещания.

Мне возражат: в Твери Николай Гумилёв едва ли бывал, а в Бежецке уже стоит так называемый памятник семье Гумилёвых из трёх фигур – оплаченный из бюджета, работы того же Андрея Ковальчука. И всё-таки: 2021-й год – год столетия (!) расправы власти, которой так трепетно служил рядовой советский поэт Андрей Дементьев, над одним из крупнейших русских поэтов Серебряного века (если чиновники знают, что это такое), бесстрашным офицером и убеждённым монархистом Николаем Гумилёвым. Местонахождение расстрельной ямы по-прежнему неизвестно. 26-летний на тот момент следователь по «делу Гумилёва», дезертир Первой мировой Евгений Яковсон попал-было под расстрельную раздачу в 1938 году, но через 20 лет реабилитирован «за отсутствием состава преступления»!!! Николай Гумилёв реабилитирован только в 1992-м году: дело признано сфабрикованным (но, кажется, так и не расскочено, как и 250 томов «танцевского дела»).

Итак, клич уже брошен энтузиастами и часть денег на тверской памятник Николаю Гумилёву уже собрана. Не лучше ли было бы для тверского бюджета вложиться в это, более достойное, начинание, чем тащить за уши в Вечность человека, ещё при жизни вкусившего от власти всех возможных пирогов и пряников?!

Татьяна Михайлова
Тверь

Анна Ахматова в доме деда

Проходя мимо небольшого двухэтажного дома, можно увидеть профиль на мемориальной доске. Потом уже выясняется, что появилась мемориальная доска в Севастополе 14 октября 1989 года.

Авторами мемориальной доски был целый коллектив: художник – И.А. Белицкий, скульптор С.А. Чиж, рубщик И.И. Степанов. В тот год исполнился столетний юбилей со дня рождения Анны Андреевны Ахматовой (1889 -1966) и ЮНЕСКО сделало своеобразный реверанс в сторону русского поэта, объявив 1989 год – годом Анны Ахматовой. Я не оговорился, назвав Ахматову поэтом. Она, как и Марина Цветаева, не любила слово «поэтесса». На мемориальной доске начертано: «Здесь, в доме своего деда – участника первой обороны Севастополя часто гостила в 1896-1916 гг. русский поэт Анна Ахматова».

Севастополь отражён в поэтических мечтах Ахматовой:

*Бухты изрезали низкий берег
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье...*

Её дедом был Антон Андреевич Горенко. Полковник по Адмиралтейству (7 августа 1818 г. – 26 апреля 1891 г.).

Родился Антон Андреевич в Николаеве в семье унтер-офицера Андрея Яковлевича Горенко, участника Отечественной войны 1812 г., Бородинского сражения и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

Выпускник Черноморского артиллерийского училища. Подпоручиком 4-го ластового экипажа участвовал в обороне Севастополя в годы Крымской войны 1853–1856 г. Состоял в гарнизоне Севастополя с 13 сентября 1854 г. по 17 июня 1855 г. Находился на Николаевской батарее при отражении 5 октября 1854 г. атаки соединённого неприятельского флота и 24 октября 1854 г. в усиленной рекогносцировке против неприятельских укреплений на Инкерманских высотах.

После Крымской войны смотритель Севастопольского морского госпиталя, казённых земель и садов Севастопольского порта. В 1887 г. вышел в отставку в звании полковника по Адмиралтейству.

Проживал в Севастополе в собственном доме на ул. Екатерининской (современный адрес ул. Ленина - 8).

Родной дед русского поэта Анны Андреевны Ахматовой (Горенко).

Вместе с ним в семейном склепе покоятся его жена Ирина Ивановна Горенко (1818–1898) и сын Леонид Антонович Горенко (1852–1891).

Хозяйкой дома после смерти деда стала его дочь Мария Антоновна Горенко. Маленькая Анна Горенка впервые побывала в Севастополе именно в этом доме, да и потом часто останавливалась здесь. Хотя больше маленькой непоседе нравилось отдыхать на даче в районе Стрелецкой бухты недалеко от Херсонеса.

*Вижу выцветший флаг над таможней
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.
Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.
Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.*

Во время войны здание пострадало, но было восстановлено, правда, с некоторыми изменениями.

В 2019 году Благотворительным фондом «Имени сестры милосердия Екатерины Бакуниной» на могиле А.А. Горенко была восстановлена часть металлической ограды, ограда покрашена, убран весь мусор и заросли на могиле, установлена информационная табличка.

Владимир Козырев

Адрес редакции: 171980 Тверская обл., г. Бежецк. E-mail: bezhkray@yandex.ru

Приложение к историко-краеведческому альманаху «Тверской край»

Редактор В.В. Козырев

БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ
историко-краеведческая газета

& - материалы на платной основе

Тираж: 100 экз. Цена свободная

При перепечатке ссылка на
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

Редакция может не разделять
точку зрения авторов.